

На правах рукописи

КУЦАЕВА МАРИНА ВАСИЛЬЕВНА

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

В ДИАСПОРЕ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

Специальности 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(урало-алтайские языки)

10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Москва – 2018

Работа выполнена в отделе урало-алтайских языков Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт языкознания Российской академии наук

Научный руководитель: **Агранат Татьяна Борисовна**,
доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела урало-алтайских языков ФГБУН Институт языкознания РАН

Официальные оппоненты: **Беликов Владимир Иванович**,
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Москвичева Светлана Алексеевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Ведущая организация: ФГБУН Институт лингвистических исследований Российской академии наук

Защита состоится 27 сентября 2018 г. в 12:30 на заседании Диссертационного совета Д 002.006.01 при ФГБУН Институт языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д.1, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН Институт языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д.1, стр. 1, а также на официальном сайте Института языкознания РАН <http://iling-ran.ru>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат филологических наук

Девяткина Е.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена выявлению и описанию функционирования чувашского языка, его взаимодействия с русским языком в контексте полилингвального пространства московского региона, а также сохранности чувашского языка и культуры этноса в условиях диаспоры.

Актуальность исследования определяется тем, что в настоящее время вследствие миграций трудового населения увеличивается количество внутренних диаспор на территории Российской Федерации, особенное сосредоточие – в силу экономической привлекательности и перспективности региона – наблюдается в Москве и Московской области, что влечет за собой расширение межкультурных и межъязыковых контактов. В связи с этим назрела необходимость изучения диаспор в лингвистическом плане.

Объектом исследования выступает функционирование этнического языка в условиях внутренней диаспоры.

Предметом диссертационного исследования является функционирование чувашского языка, в том числе в его взаимодействии с русским языком в условиях полилингвального пространства московского региона.

Материалом исследования послужили анкетные данные, полученные в результате опроса 100 представителей чувашской диаспоры, как первого (85 человек), так и второго (15 человек) поколения, проживающих на территории Москвы и Московской области.

Цель работы заключается в выявлении и описании функционирования чувашского языка в условиях диаспоры. В соответствии с целью исследования были поставлены следующие **задачи**:

- 1) собрать полевой материал, провести социолингвистическое анкетирование респондентов;
- 2) изучить виды чувашско-русского билингвизма и определить их количественное распределение в среде чувашской диаспоры московского региона;

- 3) установить сферы использования чувашского языка в диаспоре московского региона по возрастным когортам и поколениям;
- 4) установить распределение функций чувашского языка по поколениям;
- 5) определить роль чувашского языка в процессе формирования этнической идентичности членов чувашской диаспоры московского региона;
- 6) определить перспективы сохранения этнического языка в рамках интеграционных процессов в поликультурном пространстве московского региона.

Для решения поставленных задач использовался комплекс следующих **методов**: непосредственное наблюдение, включенное наблюдение, структурированное интервью респондентов, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных.

На основе ответов, полученных в ходе интервью, составлены таблицы по возрастным когортам для представителей первого и второго поколения. Ответы респондентов зафиксированы в точном соответствии с устной речью адресатов. Порядок слов и другие особенности речи представителей референтной группы сохранены.

Методологической базой диссертационного исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых в различных отраслях гуманитарного знания:

- труды по социолингвистике следующих авторов: В. И. Беликова, Л. П. Крысина, Н. Б. Вахтина, Е. В. Головкин, В. М. Алпатова, В. Ю. Михальченко и др.;
- исследования, посвященные проблеме диаспор, в работах В. А. Тишкова, В. П. Иванова, Н. П. Космарской, Ю. В. Фоканова, Г. Шеффера, Ж. Т. Тощенко, Т. И. Чаптыковой, Е. А. Ягафовой;
- работы этнографов, лингвистов, социологов по теории этноса: труды В. А. Тишкова, Б. Е. Винера, Дж. Джозефа, Б. Андерсона, М. Биллинга, М. Н. Губогло, Э. Хобсбаума, Н. Н. Германовой, Дж. Фишмана, В. В. Пименова, Е. Смолича, А. Г. Агаева, D. Crystal;

– исследования по проблемам функционирования чувашского языка Э. Алоси-Фонта, Э. В. Фомина, А. Н. Баскакова, О. Д. Насыровой, В. П. Иванова, Г. Б. Матвеева, И. А. Андреева, Л. П. Петрова, А. П. Хузангая.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринимается попытка исследования функционирования языка внутренней диаспоры на территории Российской Федерации; более того, впервые задана методология исследования функционирования языка в условиях внутренней диаспоры.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что методика, апробированная в настоящей работе, открывает возможности для проведения социолингвистических исследований, направленных на выявление функционирования других этнических языков в условиях внутренней диаспоры, а также готовит почву для изучения динамики функционирования чувашского языка в условиях диаспоры московского региона.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при подготовке курсов общего и частного языкознания, специальных курсов по социолингвистике, при описании взаимодействия языков различных этнических общностей в целях совершенствования языковой политики.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В выборке в первом поколении чувашской диаспоры московского региона установлено соотношение активного и пассивного билингвизма по возрастным когортам, с преобладающим – в разной степени во всех когортах – активным билингвизмом. Активный билингвизм характерен для выходцев из деревни, имеющих среднее специальное образование, за исключением младших когорт, в которых активные билингвы практически все имеют высшее образование. Пассивный билингвизм является особенностью уроженцев городов, районных центров и поселков городского типа Чувашской Республики, независимо от полученного им образования.

2. В московском регионе доминирующим языком общения является русский язык, однако активные билингвы используют чувашский в сферах межличностного общения (бытовое, внутрисемейное, дружеское), что определяется обстановкой, темой разговора и собеседником: как правило, с ровесниками или людьми более старшего возраста, почти никогда – с детьми.
3. Навещая родственников на малой родине, респонденты используют чувашский язык скорее в сельской местности, чем в городской среде.
4. Благодаря современным средствам коммуникации, чувашский язык в настоящее время используется активными билингвами на письме.
5. Набор и распределение функций чувашского языка зависят от поколения. В первом поколении наряду с фатической и символической функциями языка, особенно возрастающими в связи с проживанием вне малой родины, преобладают также эмпатическая, коммуникативная и конспираторная функции. В меньшей степени – эмоциональная функция, функция чувашского в качестве языка снов и квазикоммуникативная. Во втором поколении преобладают символическая, конспираторная и квазикоммуникативная функции, в меньшей степени чувашский используется в фатической, коммуникативной, эмоциональной функции и в функции языка снов. Сакральная и эмпатическая функции характерны для первого поколения ввиду того, что они непосредственно связаны с коммуникативной функцией.
6. Особую функцию выполняет песня на чувашском языке, респонденты (70,5% в выборке в первом поколении, в том числе и пассивные билингвы) проявляют интерес к песне на чувашском в связи с переездом в московский регион, поддерживают связь с ней благодаря использованию современных технологий.
7. Более половины опрошенных (55%) в первом поколении признают чувашский родным языком, 26% – русский, 19% – чувашский и русский. Однако выбор родного языка не коррелирует с уровнем языковой компетенции. Во втором поколении подавляющее большинство опрошенных (80%) родным признает

русский язык.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования прошли апробацию на совместном заседании отдела урало-алтайских языков, Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям и отдела типологии и ареальной лингвистики ФГБУН Институт языкознания РАН (Ияз РАН, 30 ноября 2017 года), а также в виде докладов на следующих мероприятиях: «Дни Института языкознания РАН в Калмыцком государственном университете им. Б.Б. Городовикова» (г. Элиста, 28–29 сентября 2016 года), Международной конференции «Язык и общество в XXI веке: контакты и конфликты цивилизаций» (Москва, РУДН, 27–28 октября 2016 года), 21-м Международном Фестивале Языков (г. Чебоксары, 13 ноября 2016 года), Международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура» (Москва, РУДН, 17–18 ноября 2016 года), курсах чувашского языка при Полномочном представительстве Чувашской Республики при Президенте Российской Федерации (Москва, 12 февраля 2017 года), на Круглом столе «Языки Москвы и языковое разнообразие города» (Ияз РАН, 17 ноября 2017 года), на III Международной научно-практической конференции «От билингвизма к транслингвизму: про и контра» (Москва, РУДН, 1–2 декабря 2017 года), на международной конференции «Urban Linguistic Diversity» («Языковое разнообразие города») (Ияз РАН, 9–10 апреля 2018 года).

Структура диссертации определяется ее целью и поставленными задачами и состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и трех приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяется объект и предмет исследования, раскрывается актуальность темы и ее научная новизна, формулируются цели и задачи исследования, обосновывается теоретическая и практическая значимость диссертации, выдвигаются положения, выносимые на защиту.

В Главе 1 «Язык и этничность в условиях диаспоры» представлен обзор научной литературы по проблематике диссертации, раскрываются ключевые понятия: «этнос», «этничность», «компоненты этноса», «диаспора», «внутренняя диаспора», «чувашская диаспора», «родной язык», «чувашский язык».

В 1.1. описаны различные подходы к понятиям «этнос» и «этничность». Природа этничности, а значит, место и роль языка в ней, исследуется рядом гуманитарных дисциплин, в том числе и языкознанием, однако общепринятой дефиниции этого концепта не существует в силу принципиально разных подходов к определению этничности, среди которых выделяют примордиализм, конструктивизм, инструментализм.

В 1.2. изложены концепции В. Пименова и М. Губогло относительно структуры этноса [Пименов 1977, Губогло 1998]. Среди этнических маркеров, или символов групповой идентификации, язык занимает особое место наряду с некоторыми другими [Губогло 1998]. Этничности различаются по тому, в какой мере они рассматривают языки как центральные ценности своей культуры [Смолич 2012]. Особое значение это приобретает в условиях диаспоры.

В 1.3. представлены определения термина «диаспора» и типологии диаспоры, в том числе приводится определение «внутренней диаспоры».

В 1.4. описан феномен чувашской диаспоры. Чуваши – один из крупнейших народов Российской Федерации, вместе с тем один из наиболее дисперсно расселенных на ее территории [Иванов 2005]. Чувашская диаспора соответствует основным критериям «диаспоральности»: перемещение из исходного центра на периферию основного ареала расселения; коллективная память об «исторической родине»; персональная и коллективная идентичность с «исторической родиной» при наличии чувства «новой родины»; готовность сохранять и передавать культурное наследие этнической группы; «диаспоральное» поведение, проявляющееся в повышенном интересе к вопросам истории и культуры народа, в консолидации по этническому признаку [Ягафова 2013].

В 1.5. рассмотрены уместность использования понятия «язык диаспоры» и неоднозначность трактовки термина «родной язык». В отечественной лингвистике сложилась традиция употребления термина «родной язык», тогда как в зарубежной речи идет скорее о материнском языке. Родным принято называть язык, усвоенный в детстве, навыки использования которого в основном сохраняются и во взрослом возрасте [Беликов, Крысин 2016]. «Родной язык» может совпадать с «этническим языком», образуя особую связь между понятием «языка» и «народности»: в таком случае «родной язык» выступает одним из основных показателей национальной принадлежности, независимо от степени владения данным языком.

В 1.6. дано краткое описание чувашского языка.

В Главе 2 «Языковая биография респондентов» изложены основные положения и принципы проведения социолингвистического обследования в чувашской диаспоре московского региона, освещаются наиболее общие этапы языковой биографии респондентов, предшествующие их переезду в московский регион; рассматриваются длительность пребывания и причины миграции в московский регион по возрастным когортам.

В 2.1. описан опыт проведения социолингвистического обследования. Социолингвистическое обследование проводилось в Москве и Московской области в диаспорной среде московских чувашей в течение двух с половиной лет, с августа 2014 года по февраль 2017 года.

Выборка включает 100 человек, которые родились в семьях, где оба или один из родителей – чуваша, и которые идентифицируют себя как этнические чуваша. 85 опрошенных принадлежат первому поколению, 15 человек – второму поколению, общее число респондентов было разнесено по таблицам по поколениям и возрастным когортам внутри соответствующих таблиц.

Таблица 1 - Первое поколение по возрастным когортам:

возрастная когорта	20-30	31-40	41-50	51-60	61-84
число респондентов	17	23	10	21	14

Таблица 2 - Второе поколение по возрастным когортам:

возрастная когорта	18-30	31-40	41-50	51-60	61-71
число респондентов	6	4	3	1	1

В ходе интервью респондентам было задано тридцать вопросов, в общих чертах вопросы анкеты могут быть разделены на следующие крупные блоки:

1. паспортный блок, имеющий целью выявить социальные характеристики респондента: пол, возраст, место рождения, уровень образования;
2. первый лингвистический блок, задачей которого является составление языковой биографии респондента: на каком языке он разговаривал до школы, на каком языке велось обучение в школе, люди каких национальностей жили по соседству на родине и некоторые другие вопросы;
3. второй лингвистический блок вопросов, позволяющий получить информацию относительно актуального использования языков в жизни респондента, например: какими языками владеет респондент, на каком языке / каких языках он разговаривает дома и на работе, на каком языке / каких языках слушает радио, читает газеты, смотрит телевизор, пользуется социальными сетями или интернетом.
4. блок вопросов культурного и духовного характера, тем не менее проливающий свет на языковую жизнь респондентов и касающийся таких аспектов, как соблюдение традиционных этнических праздников, вероисповедание и язык религии, передача знаний о родной культуре, принадлежность респондента этнической культуре.

На основе ответов, полученных в ходе интервью, составлены таблицы по возрастным когортам для представителей первого и второго поколения по различным аспектам языковой жизни чувашской диаспоры московского региона:

- 1) языковая биография представителей чувашской диаспоры московского региона;

- 2) виды билингвизма и их количественное распределение в чувашской диаспоре московского региона;
- 3) сферы использования чувашского языка в диаспоре московского региона;
- 4) набор и распределение функций чувашского языка в диаспоре московского региона;
- 5) языки религии в чувашской диаспоре московского региона;
- 6) лояльность к чувашскому языку в диаспорной группе московского региона.

В 2.2. представлены наблюдения относительно этапов языковой биографии респондентов первого и второго поколения: на каком языке / каких языках респонденты разговаривали в детстве до поступления в школу с родителями, старшими родственниками, сверстниками; на каком языке / каких языках велось обучение в начальной школе, какие языки они использовали в общении со сверстниками, родителями, старшими родственниками в тот период; на каком языке / каких языках велось обучение в средней школе, на каких языках респонденты разговаривали с родителями, старшими родственниками, сверстниками в тот период; на каком языке / каких языках велось обучение в техникуме или в ВУЗе; на каком языке / каких языках они общались с соседями.

В 2.3. приводится сопоставительный анализ языковой биографии респондентов по когортам в первом и втором поколениях.

В 2.4. рассмотрена длительность пребывания респондентов первого поколения в московском регионе и причины их миграции в регион.

В 2.5. сделаны следующие выводы по Главе 2:

1) В детстве внутрисемейное общение на чувашском практиковалось респондентами, как правило, в сельской местности, в небольших населенных пунктах, русский язык использовался в семьях в городской среде, в районных центрах; двуязычное общение, незначительное по объему, скорее было характерно в семьях, проживавших в средних населенных пунктах, поселках городского типа. Со старшими родственниками респонденты в большей мере использовали чувашский

язык, даже те из них, кто с родителями разговаривал на русском. Выбор языка общения со сверстниками определялся также местом проживания: русский – в городской среде, чувашский – в сельской среде, однако при сопоставительном анализе по когортам отмечено постепенное увеличение доли двуязычного общения даже в сельской местности с ведущей ролью русского языка.

2) Язык обучения в начальной школе зависел от типа школы: в национальных школах, расположенных в сельской местности, – чувашский, русский – в школах городов, поселков городского типа, в районных центрах. Со сверстниками респондентами использовался либо чувашский, либо русский язык в зависимости от их места проживания. Внутрисемейное общение в этот период языковой биографии респондентов сохранилось в более половине случаев на чувашском во всех возрастных когортах, кроме когорты 20–30. Незначительно изменилась доля чувашско-русского двуязычия (снизилась в когорте 31–40 и увеличилась в более старших когортах, тогда как в самой младшей когорте доля чувашско-русского двуязычия осталась неизменной). В городской среде общение было на русском.

3) С переходом в среднюю школу у респондентов, посещавших национальную школу, языком обучения становился русский. Выявлена следующая корреляция: лица, посещавшие национальную школу, особенно в старших и средних когортах, отметили трудности, с которыми им пришлось столкнуться при переходе на русский язык обучения, тогда как у представителей младших когорт, вынужденных изучать чувашский язык как предмет начиная с 1990-х годов, напротив, затруднение вызывало освоение чувашского языка. В общении со сверстниками во всех когортах снижается или исчезает доля общения исключительно на чувашском языке, внутрисемейное общение на чувашском осталось стабильным лишь в некоторых когортах, в других – снизилось за счет роста общения только на русском языке или на обоих языках.

4) Обучение в техникуме или в ВУЗе было на русском языке, у части респондентов, в нашей выборке в когортах 20–30 и 31–40, обучение в ВУЗе было в том чис-

ле и на чувашском – на отделениях чувашской филологии или журналистики. Многие уроженцы деревень в неформальном общении в городе переходили на чувашский в случае, если собеседник также владел чувашским. Одни, особенно в более старших когортах, испытывали стеснение, другие, более молодые респонденты, не стеснялись разговаривать и в Чебоксарах на чувашском; подобное языковое поведение, возможно, объясняется и более эффективной языковой политикой последних десятилетий по продвижению чувашского языка в качестве одного из государственных языков в Чувашской Республике.

5) Относительно языка общения респондентов с соседями на малой родине была выявлена следующая корреляция. Во всех когортах этнические чуваша, уроженцы небольших сельских населенных пунктов, при общении с лицами своей этнической принадлежности использовали чувашский, с русскоязычными жителями – русский, с татарами – чувашско-татарское двуязычие, при этом интенсивность данного типа двуязычия колеблется в зависимости от возрастной когорты. В более младших возрастных когортах чувашско-татарское двуязычие, широко практикуемое лицами старше 50 лет, отступает на второй план: общение происходит либо на русском, либо на чувашском. В городской среде в общении использовался русский язык.

6) Во втором поколении в основном языком внутрисемейного общения выступал русский; семьи, практиковавшие исключительно чувашский, сталкивались с трудностями при поступлении детей в дошкольное учреждение и со временем переходили в общении с детьми на русский, доля чувашско-русского двуязычия в семейном общении снижалась. В московском регионе обучение в школе, общение со сверстниками было на русском; двуязычное общение скорее было характерно для респондентов во время их пребывания в чувашской деревне, где они также использовали чувашско-русское двуязычие в общении со старшими родственниками, но в целом являлись очагом распространения русского языка среди сверстников.

7) Длительность пребывания респондентов в московском регионе зависит от возрастной когорты: очевидно, что представители более старших возрастных когорт переселились значительно раньше, чем респонденты более младших возрастных когорт. Цели, которыми руководствовались респонденты в выборке, принимая решение о миграции в московский регион, как правило, коррелируют с общими историческими причинами внутренних миграций, которые имели место в стране в советский и постсоветский период.

В Главе 3 «Актуальное использование чувашского и русского языков в чувашской диаспоре московского региона» в первом поколении респондентов по когортам выявлено соотношение активного и пассивного видов билингвизма, сформированных предшествующим языковым опытом на малой родине; определены и классифицированы по возрастным когортам сферы использования чувашского языка; раскрыты и проанализированы функции чувашского языка по поколениям в диаспоре.

В 3.1. рассмотрено количественное распределение активных и пассивных билингвов по когортам в выборке. Полученные данные представлены в таблице:

Таблица 3 - Соотношение активного и пассивного билингвизма по когортам в первом поколении

билингвизм	20-30	31-40	41-50	51-60	61-84
активный	59%	84%	70%	76 %	50%
пассивный	41%	16%	30%	24 %	50%

В 3.2. выявлены и представлены сферы использования чувашского языка по когортам в первом поколении в чувашской диаспоре московского региона. В московском регионе доминирующим языком общения является русский язык, однако активные билингвы используют чувашский язык в сферах межличностного общения (бытовое, внутрисемейное, дружеское). В большей мере это характерно для представителей средних и младших когорт в связи с тем, что они ведут более активный, чем лица пожилого возраста, образ жизни: с одной стороны, встречают-

ся в рамках мероприятий чувашской диаспоры в Москве; с другой стороны, будучи занятыми в сфере бытового обслуживания, в сфере строительства, в ходе дружеского общения они используют чувашский язык в разговоре с «земляками». Переключение кодов определяется обстановкой, темой разговора и собеседником: как правило, чувашский употребляется в беседе с ровесниками или людьми более старшего возраста, почти никогда – с детьми. В том случае, если один из собеседников не владеет чувашским, языком межэтнического общения, согласно правилам речевого поведения, давно усвоенным респондентами, всегда выступает русский язык. Кроме того, благодаря современным технологиям представители младших когорт активно используют чувашский язык на письме: одни пишут по-чувашски, невзирая на отсутствие раскладки на клавиатуре, другие – наоборот, установив чувашский алфавит и соблюдая, таким образом, правила чувашской орфографии.

Пассивные билингвы, как правило, не пользуются в московском регионе чувашским языком в межличностных сферах общения в силу слабого владения этническим языком.

В **3.3.** подробно описаны функции чувашского языка в диаспоре московского региона. При крайне ограниченном использовании чувашского языка, тяготеющем к сугубо семейно-бытовой сфере общения, этнический язык выполняет **разнообразные функции в чувашской диаспоре**. В ходе обследования нами были последовательно выделены символическая, фатическая, эмпатическая, конспираторная, коммуникативная, квазикоммуникативная, эмоциональная, сакральная функции, а также функция языка сновидений, функция песни на чувашском языке и затронут вопрос о функции языков религии.

Символическая функция языка возрастает и приобретает особое значение вдали от малой родины. Язык играет роль символа групповой идентификации [Губогло 1998], не являясь при этом средством регулярного общения между членами группы. 90% респондентов первого поколения (как активных, так и пассивных би-

лингвов) отметили важность чувашского языка прежде всего как символа малой родины, своих корней. Ценность чувашского языка повышается в глазах членов диаспоры именно в связи с миграцией. Язык в диаспоре выполняет символическую функцию как на официальном мероприятии, предваряя торжественные речи выступающих, которые затем переходят на русский, так и в семейном и дружеском общении. Если символическая функция языка возрастает в диаспоре среди представителей первого поколения ввиду постепенного снижения коммуникативной функции, то в среде второго поколения (95% опрошенных) - ввиду полного ее отсутствия (в словаре респондентов - лишь пара слов на чувашском, услышанных в детстве в чувашской деревне).

Фатическая (контактоустанавливающая) функция языка – быть средством завязывания контактов между индивидами [Михальченко (отв. ред.) 2006]. В выборке 92% опрошенных в первом поколении используют чувашский в фатической функции в московском регионе: своеобразным приветствием или преамбулой к дальнейшему разговору (чаще всего - на русском языке) является чувашское выражение *хамӑр ял* (букв. *хамӑр* свой + *ял* село, деревня, т. е. своя деревня; множ. – «*хамӑр ялсем*»). Практически все опрошенные подтвердили, что, услышав чувашскую речь на улице, они не останутся равнодушными. Пассивные билингвы также активно пользуются этим «паролем». Во втором поколении, напротив, большинство респондентов не пользуется чувашским языком при установлении контактов, лишь 17% респондентов, имеющих определенный уровень владения чувашским языком, используют его в фатической функции.

Чувашский язык используется членами диаспоры в **эмпатической функции**, предполагающей сопереживание, для получения обратной эмоциональной связи от собеседника. В первом поколении 69% опрошенных используют чувашский «ради шутки» с родными и близкими, независимо от того, является ли для них чувашский функционально первым языком. Заметно чаще на чувашском в семейно-бытовой сфере шутят именно мужчины, также (хотя и реже), чувашский

используется в этой функции в дружеском общении, независимо от пола говорящего. Опрошенные второго поколения диаспоры ни разу не упомянули использование чувашского в эмпатической функции, что позволяет сделать вывод о том, что для получения обратной эмоциональной связи от собеседника на том или ином языке требуется минимальный контакт с данным языком, соответствующее языковое окружение в прошлом или в настоящем.

46% опрошенных первого поколения (27% во втором) используют чувашский в **конспираторной функции**: в общественном месте или в качестве тайного языка в сфере семейного общения. В общественном месте чувашский позволяет респондентам говорить о чем-то тайном, не предназначенном для посторонних. Особенно часто этим пользуются женщины, в меньшей степени - мужчины. В настоящее время чувашский употребляется в качестве тайного языка и на письме. В функции тайного языка чувашский язык используется в диаспорной среде и в сфере семейного общения: родителями в отношении детей с тем, чтобы обсудить «взрослые» темы при ребенке.

При употреблении активными билингвами чувашского языка в **коммуникативной функции** в значительной степени проявляется разрыв между первым и вторым поколениями: 57% и 13% соответственно.

Обратная ситуация наблюдается при использовании чувашского в **квази-коммуникативной функции**: язык употребляется в ограниченном пространстве курсов чувашского языка при полномочном представительстве Чувашской Республики в Москве. В первом поколении 2% опрошенных, пассивные билингвы, имеют непосредственное отношение к курсам, тогда как во втором поколении - 20%.

В выборке 34% опрошенных в первом поколении, в том числе и некоторые пассивные билингвы (во втором лишь активные билингвы - 13%) отметили, что используют чувашский и в **эмоциональной функции**. Выражать эмоции: плакать, смеяться или грустить (в большей мере женщинам, тогда как ругаться – мужчи-

нам) - проще только на чувашском языке или на чувашском в том числе (подавляющее большинство респондентов заявило, что «без языка»).

Чувашский язык в том числе является **языком снов** для 27% респондентов в первом и 13% во втором поколении в том случае, если сон связан с определенным местом на малой родине в Чувашии; с определенным человеком, с которым в жизни респондент общается или общался в прошлом на чувашском языке; с каким-то событием, имеющим непосредственное отношение к малой родине.

Лишь 1 % респондентов в выборке и только в первом поколении использует чувашский язык **в сакральной функции** как посредник в общении с духами умерших родственников.

Было установлено, что набор и распределение функций чувашского языка в диаспорной среде московского региона зависят от поколения. Сводные данные приводим в таблице:

Таблица 4 – Распределение функций чувашского языка в диаспоре московского региона по поколениям

поколение	функция								
	символ.	фатич.	эмпатич.	конспират.	квазикомм.	коммунн.	эмоц.	сны	сакральная
I	90%	92%	69%	46%	2%	57%	34%	27%	1%
II	95%	17%	–	27%	20%	13%	13%	13%	–

Кроме того, была отмечена особая **функция песни на чувашском языке**, респонденты, в том числе и пассивные билингвы, проявляют интерес к песне на чувашском часто именно в связи с переездом в московский регион. 70,5% респондентов в первом поколении слушают песни на чувашском и русском языках. Наиболее активными слушателями являются представители средних когорт.

Чувашский язык играет немаловажную роль в другой функции – **религиозной обрядности и культа**: 67% респондентов в выборке более-менее активно следуют православным традициям. Конфессиональная литература на чувашском языке в большей мере доступна активным билингвам; доступность чувашского в сфере литургии объясняется не только особенностями перевода на «более совре-

менный» для респондентов чувашский, в отличие от церковнославянского, но и эмоциональной связью респондентов с этническим языком, с далекими воспоминаниями детства, с ушедшими из жизни родственниками. Несмотря на некоторую удаленность, религиозная жизнь членов московской диаспоры крепко связана с малой родиной.

В 3.4. установлена корреляция между длительностью пребывания в московском регионе и уровнем владения чувашским языком.

В 3.5. сделаны следующие **выводы по Главе 3:**

- 1) В отношении понимания и использования чувашского языка в устной и письменной речи в первом поколении было установлено соотношение активного и пассивного билингвизма по возрастным когортам с преобладающим – в разной степени во всех когортах – активным билингвизмом. Активный билингвизм характерен для выходцев из деревни, имеющих среднее специальное образование, за исключением младших когорт, в которых активные билингвы практически все имеют высшее образование. Пассивный билингвизм является особенностью уроженцев городов, районных центров и поселков городского типа Чувашской Республики, независимо от полученного им образования.
- 2) В московском регионе доминирующим языком общения является русский язык, однако активные билингвы используют чувашский в сферах межличностного общения (бытовое, внутрисемейное, дружеское), что определяется обстановкой, темой разговора и собеседником: как правило, с ровесниками или людьми более старшего возраста, почти никогда – с детьми.
- 3) Навещая родственников на малой родине, респонденты используют чувашский язык скорее в сельской местности, чем в городской среде.
- 4) Благодаря современным средствам коммуникации, чувашский язык в настоящее время используется активными билингвами на письме.
- 5) Набор и распределение функций чувашского языка зависят от поколения. В первом поколении наряду с фатической и символической функциями языка, особенно

возрастающими в связи с проживанием вне малой родины, преобладают также эмпатическая, коммуникативная и конспираторная функции. В меньшей степени - эмоциональная функция, функция чувашского в качестве языка снов и квазикоммуникативная. Во втором поколении преобладают символическая, конспираторная и квазикоммуникативная функции, в меньшей степени чувашский используется в фатической, коммуникативной, эмоциональной функции и в функции языка снов. Сакральная и эмпатическая функции характерны для первого поколения ввиду того, что они непосредственно связаны с коммуникативной функцией.

- 6) Отмечена особая функция песни на чувашском языке, респонденты, в том числе и пассивные билингвы, проявляют интерес к песне на чувашском часто именно в связи с переездом в московский регион. 70,5% респондентов в первом поколении слушают песни на чувашском и русском языках. Наиболее активными слушателями являются представители средних когорт. В ходе обследования выявлена следующая корреляция: если в прошлом чувашки в диаспорных группах (в нашей выборке лица старше 60 лет) пели в основном чувашские песни, собираясь на застолья по большим праздникам, связанным с приездом гостей, и песни, соответственно, угасали с уходом из жизни близких людей; то в последнее время чрезвычайно расширился спектр ситуаций, в которых человек из диаспоры может обратиться к национальной песне и поддерживать «связь» с ней: благодаря использованию современных технологий, стало возможным скачивать песни в смартфоны, прослушивать их со специальных сайтов или из социальных сетей; кроме того, чувашские коллективы регулярно выступают в Москве, проводятся чувашские дискотеки. Одни респонденты посещают различные мероприятия и слушают песни в группе, сообща, другие – в «индивидуальном» порядке: «дома для души» или когда заняты какой-нибудь работой; в общественном транспорте через наушники или в машине.
- 7) Чувашский язык играет немаловажную роль в другой функции – религиозной обрядности и культа: в ходе социолингвистического опроса представителей чу-

вашской диаспоры московского региона стало очевидным, что 67% респондентов в выборке более-менее активно следуют православным традициям, на малой родине им доводится посещать религиозные богослужения, языком которых наряду с церковнославянским выступает также и чувашский.

- 8) Относительно доступности конфессиональной литературы и литургии на чувашском языке в среде чувашеговорящих нами были выделены три группы респондентов: во-первых, те, кому чувашский язык в богослужении кажется малопонятным (как правило, пассивные билингвы), во-вторых, респонденты, одинаково воспринимающие и церковнославянский, и чувашский язык в религиозной сфере, в-третьих, те, кому чувашский язык в богослужении кажется ближе (активно владеющие чувашским языком).

В Главе 4 «Лояльность к чувашскому языку в диаспорной группе московского региона» описывается языковая лояльность с точки зрения различных параметров, таких как родной язык, желание сохранить язык в условиях диаспорного проживания, язык (языки), которые понадобятся респондентам в будущем, преподавание чувашского языка в московском регионе, этническая принадлежность в браке, этническая принадлежность детей, критерии принадлежности к чувашскому этносу, соблюдение национальных традиций и обрядов, межпоколенная передача этнической культуры, длительность пребывания в московском регионе.

В 4.11. приводятся выводы по Главе 4:

1) 55% опрошенных признали чувашский родным языком, 26% - русский, 19% - чувашский и русский. В каждой возрастной когорте, за исключением самой старшей, чувашский лидирует. Чувашский язык признало очевидное большинство в когортах 31–40, 41–50, 51–60 лет. Однако причины назвать чувашский родным у ряда респондентов не коррелировали с действительным владением языком. Во втором поколении подавляющее большинство (80%) родным признает русский язык.

2) В первом поколении у большинства респондентов (81%) отсутствует страх по-

терять чувашский язык ввиду высокого уровня владения языком, а также в силу возможностей, предоставляемых современными телекоммуникациями. Респонденты опасаются, что язык потеряют их дети, которые родились и проживают вне Чувашской Республики.

3) На вопрос о том, какие языки, необходимы или понадобятся в будущем, респонденты старшей когорты в первом поколении в подавляющем большинстве (79%) считают приоритетным знание русского языка, лица 51–60 лет в основном – (48%) русского языка, в меньшей степени – «чувашского и русского языков» (24%) или «русского и английского» (19%). Представители когорты 41–50 лет практически равнозначно расставили приоритеты между различными вариантами с небольшим перевесом в категории «русский и английский» – 40%, тогда как в остальных вариантах по 30%. Респонденты 31–40 лет считают равноценно необходимым знание либо «русского и английского» (43,4%), либо «русского, английского и чувашского» (43,4%). Представители самого молодого поколения в нашей выборке делают ставку на английский и русский языки (47%), но значительна доля тех, кто отмечают важность знания чувашского наряду с другими языками (41%). Во втором поколении в выборке в более половине случаев (53,3%) был указан вариант «русский и английский языки», в 33,3% случаев респонденты назвали вариант «русский, чувашский, английский и другие языки» (в основном представители когорты 18–30), 13,3% респондентов считают приоритетным знание русского и чувашского языков. Таким образом, позиции чувашского языка, а значит и его престижность, усиливаются в младших возрастных когортах как в первом, так и во втором поколениях.

4) Респонденты первого поколения, имеющие детей, в целом (53%) одобрили идею преподавания чувашского языка в Москве, однако, на вопрос о том, отправили бы они конкретно своих детей изучать чувашский язык на курсы, были получены три категории ответов. Наиболее многочисленной (54,8%) оказалась категория лиц, затруднившаяся с ответом; 22,5% опрошенных ответили утвердительно,

столько же (22,5%) – отрицательно. Во втором поколении 73% опрошенных в выборке одобрили идею курсов чувашского языка, в основном – представители средних и младших когорт.

5) Относительно этнической принадлежности в браке, выявлено следующее: у представителей возрастных когорт 31–40 и 51–60 лет заметно чаще супруг / супруга является чувашем / чувашкой (80% и 63% случаев в нашей выборке соответственно). Во втором поколении чувашки не придают значения этнической принадлежности супруга: в 64% случаев супруг у представителей второго поколения является этническим русским.

6) В чувашских браках дети по национальности – чувашки (48%), в смешанных чувашско-русских браках, как правило, пришедшихся на возрастную когорту 41–50, дети чаще – русские (39,6 %) или «россияне», «граждане РФ» (6,8%). В когортах 31–40 и в 61–84 выявлено следующее: с одной стороны, молодые родители проявили наивысшее этническое самосознание, заявив, что их дети, родившиеся уже в Москве, все равно чувашки, в отличие от старшего поколения, у которых дети – в большей мере «русские» по национальности, даже в семьях, где оба родителя – чувашки. Во втором поколении одинаковое количество опрошенных указали, что их дети являются либо русскими (27%), либо чувашками (27%), либо «наполовину чувашками» (27%). Последняя категория является особенностью именно второго поколения, респонденты в первом поколении ни разу не упомянули о том, что в смешанном браке дети могут быть «наполовину чувашками», это скорее респонденты средних лет, тогда как опрошенные старших когорт, находясь в этнически смешанном браке, заявляли о том, что их дети – этнические русские.

7) В подавляющем большинстве случаев (76%) опрошенные в первом поколении считают непринципиальным вопрос о том, с кем по этнической принадлежности предпочтителен брак для их детей. За чуваша / чувашку высказались, как правило, женщины средних лет и молодые родители из когорты 31–40, среди которых наибольшее число женщин заявило о желании иметь в будущем чувашскую сноху.

Во втором поколении 82% опрошенных, имеющих детей, считают непринципиальным вопрос об этнической принадлежности будущего супруга / супруги их детей.

8) Среди ответов о принадлежности к чувашскому этносу языковой критерий фигурировал в 24% случаев в первом поколении, особенно в младших возрастных когортах: приблизительно в половине случаев в когортах 20–30 (47%) и 31–40 лет (52%), в более старших возрастных группах язык как мощный символ этничности все более ослабевает: в когорте 40–50-летних и 50–60-летних респондентов он составил порядка 30% и достиг самой низшей отметки в когорте лиц от 60 лет (лишь 14% респондентов назвали чувашский язык в качестве критерия этнической принадлежности). Во втором поколении в выборке язык в качестве критерия этнической принадлежности фигурировал в 21,7% случаев, главным образом в младшей возрастной когорте.

9) К языковой лояльности косвенно относится соблюдение национальных традиций и обрядов. Более половины респондентов в выборке в первом поколении (55%) соблюдают национальные чувашские традиции и праздники. Что касается отрицательных ответов респондентов, то наибольшее их число пришлось на самую старшую когорту (42,8% от числа опрошенных в данной когорте), в связи с полной их ассимиляцией ввиду возраста, пребывания вне пределов малой родины, а также смешанных браков. Во втором поколении, как правило, народная культура угасает: лишь 27% опрошенных соблюдают чувашские традиции.

10) Языковая лояльность косвенно находит свое воплощение и в желании передать знания о родной культуре детям. Более половины опрошенных в первом поколении (58,6%) намерены познакомить детей с культурой чувашского народа. Женщины стремятся передать скорее материальную культуру, тогда как мужчины ратуют за духовную.

11) Поскольку в нашей выборке время пребывания коррелирует с когортами почти полностью, то невозможно с точностью сказать, зависит ли уровень языковой ло-

яльности от длительности пребывания или от возраста респондентов. Позиции чувашского языка, а значит и его престижность, усиливается в младших возрастных когортах, соответственно относительно недавно прибывших в московский регион.

В **заключении** формулируются выводы и обобщаются результаты проведенного исследования.

Список литературы насчитывает 125 источников.

Три **приложения** содержат дополнительные материалы по различным аспектам, кратко затронутым в основном тексте диссертации: этапы формирования чувашской диаспоры, отношения чувашской метрополии и диаспоры (**Приложение 1**), этапы языковой политики в России и языковая ситуация в Чувашской Республике на современном этапе (**Приложение 2**), распространение православия среди чувашей, этапы перевода Священного Писания на чувашский язык и особенности современного перевода Священного Писания на чувашский язык (**Приложение 3**).

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях автора общим объемом 4, 2 п.л. в изданиях, включенных в «**Перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук**»:

1. Куцаева М.В. Лояльность к чувашскому языку в диаспорной группе московского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия «Вопросы образования: языки и специальность». – 2017. – № 1. – С. 54 -77. – 1,39 п.л.
2. Куцаева М.В. Количественное распределение активных и пассивных билингвов в чувашской диаспоре московского региона (I) // Вестник НГУ. – Серия: История, филология. – 2017. – Том 16, № 9: Филология. – С. 156 -164. – 0, 84 п.л.
3. Куцаева М.В. Функции чувашского языка в диаспоре московского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2017. – № 4. – С. 1131-1145. – 1, 07 п.л.
4. Куцаева М.В. Количественное распределение активных и пассивных билингвов

в чувашской диаспоре московского региона (II) // Вестник НГУ. – Серия: История, филология. – 2018. – Том 17, № 2: Филология. – С. 90 – 98. – 0,9 п.л.

В иных изданиях (1.03 п. л.):

5. Куцаева М.В. Языки религии в чувашской диаспоре московского региона // Родной язык. Лингвистический журнал. – 2017. – № 1(6). – С. 143-167. – 1, 03 п.л.